

Я ВЫРОС В ВЕРЕ

Моя жизнь с первых дней связана с Церковью. Впервые меня принесли в храм на седьмой день от моего рождения – крестить. С того момента моя духовная связь с Церковью никогда не прерывалась. И хотя в те годы много храмов было закрыто, почти не было монастырей, не хватало священнослужителей, не издавались духовные книги, но в простом народе вера сохранялась, люди помнили свои духовные корни. Особенно это чувствовалось в сёлах и небольших городах, где православные традиции были живы.

Мои родители в то время жили в посёлке Удельная недалеко от Москвы, там и прошло моё детство. Но наши корни уходят в исконно русскую православную глубинку: по отцу – в Егорьевск и Рязань, а по маме – в Вологодско-Вятскую землю.

Отец, Михаил Герасимович, родился 1 ноября 1914 года в семье «старого писаря» Герасима Семеновича Капалина в селе Большое Гридино Поминовской волости Егорьевского уезда Московской губернии. Его мать, Мария Алексеевна, в девичестве Анангина, была глубоко верующей женщиной. В селе была деревянная церковь в честь Святителя Николая, в которую ходила вся семья.

В 1933 году дедушка был репрессирован: он имел «20 ткацких станков и наёмную рабсилу», деревянный дом с пристройками, «хоромку» (это был небольшой домик), конюшню, амбар, сенной сарай, овин (строение для сушки снопов), баню. В селе была организована кампания против него, и материалы как на врага народа направлены в Шатурскую райкомиссию. Кто-то из добрых людей об этом ему сообщил, и вся семья – дедушка, бабушка и мой отец – была вынуждена ночью срочно уехать из родного села в ближней Подмосковье.

В поисках нового места жительства они остановились в небольшом поселке Удельная. Здесь, также как в Гридино, был

деревянный храм в честь Святителя Николая, что и стало определяющим моментом при выборе места.

Поселок Удельная известен ещё тем, что там последние годы своей жизни провёл священномученик Серафим (Чичагов). После освобождения его от управления Ленинградской епархией в 1933 году он вскоре поселился в Удельной на улице Песочной, дом 8, где занимал две комнаты с кухней. Из-за болезни он много не ходил, время в основном проводил дома, у него постоянно были посетители – его духовные чада, приезжали митрополиты Ленинградский Алексий (Симанский, в последствии Патриарх Московский) и Ташкентский Арсений (Стадницкий), приходило местное духовенство. В свободное время он сочинял духовные произведения, работал над летописью Серафимо-Дивеевского монастыря и любил играть на фисгармонии. На этой тихой отдалённой от Москвы даче 30 ноября 1937 года он был арестован. По причине возраста (ему было 82 года) и болезни он сам идти не мог, и его вынесли на носилках и увезли на карете «скорой помощи» в Таганскую тюрьму. 7 декабря тройкой НКВД он был приговорен за «контрреволюционную деятельность» к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 11 декабря на Бутовском полигоне. Память о том, что митрополит Серафим жил на Песочной улице, сохранялась в те годы среди жителей посёлка.

Поселившись в Удельной, отец устроился на завод учеником и получил землю под строительство. Вместе с дедушкой Герасимом они начали строить дом. После кончины дедушки 8 сентября 1940 года папе пришлось достраивать дом самому. Нанимать рабочих не было возможности.

Отец в юности мечтал поступить в консерваторию, но строительство дома и забота о родителях не позволили ему после школы продолжить образование. Получив специальность, он всю жизнь оставался рабочим. Помню, на работу он уезжал часов в семь утра, возвращался в шесть-семь вечера. При этом, после тяжёлого трудового дня он постоянно занимался делами по дому: строил, что-то мастерил и ремонтировал.

Напротив нашего участка была дача профессора Московского института инженеров транспорта, депутата Моссовета Василия Григорьевича Киркина. Он приезжал на дачу только летом, а в остальное время года бывал нечасто. Постоянно там жили две монахини – Питирима и её дочь Михаила (Киркины). Эти монахини сыграли большую роль в нашей судьбе. Они поддерживали после переселения дедушку и бабушку и помогли моей маме.

Мама, Мария Алексеевна, родилась 1 января 1916 года в деревне Белополье, которая находилась в пяти километрах от города Лальска Устюжского уезда Вологодской губернии (ныне Кировская область), в семье сельского врача Алексея Федоровича Бурчевского. Бабушка по маме, Александра Андреевна, в девичестве Дорофеева, была богобоязненным и верующим человеком. Большое влияние на неё оказывала сестра дедушки, монахиня Клавдия, которая почти полвека прожила в Свято-Преображенском женском монастыре в городе Вятке, а после его закрытия в 1923 году в возрасте семидесяти лет вернулась в Лальск, где помогала при храме.

Мама была младшим ребёнком, кроме неё, в семье было пять сыновей: Алексей, Мина, Василий, Александр, Захар. Мина был офицером царской армии, служил в Москве и скончался от тифа на юге России в 1921 году. Василий остался жить в Белополье, там женился, у него родились две дочери Лидия и Нина. Захар окончил школу в Лальске уже в советское время и уехал учиться в Архангельск, где потом работал в торговом порту и в 1950-е годы занимал должность заместитель начальника порта, скончался в 1959 году.

В деревне храма не было и поэтому приходилось ездить в Лальск. Почти каждый раз, направляясь на службу, бабушка брала с собой маму. Она и приучила её выстаивать долгие богослужения и в молитвах прибегать к Божией Матери. Бабушка скончалась, когда маме было всего семь лет. Накануне своей смерти она позвала маму, осенила её Иверской иконой Божией Матери и сказала: «Молись всегда Божией Матери, особенно когда трудно». Утром в субботу она попросила старшего сына: «Василий, запряги лошадь и отвези меня в город, хочу причаститься». Тот ответил: «Может, завтра, в воскресенье, а то сегодня много дел». Но бабушка твердо сказала ему: «Нет, я хочу сегодня». Перед отъездом она подошла и перекрестила спящую маму. Та, проснувшись и увидев, что бабушка уезжает, спросила: «Можно с тобой?» Бабушка ответила: «Ты оставайся». В Лальске она отстояла Литургию, причастилась, заехала на чай к родственнице и, уже собираясь возвращаться домой, почувствовала себя плохо. Позвали доктора, но когда он пришёл, бабушка уже скончалась.

Маме ещё маленькой девочкой пришлось испытать всю тяжесть сиротской жизни на селе. Она была единственной девочкой в семье, и, хотя родственники приходили помогать, всё равно на неё легла большая часть женских забот. Каждый двор

имел корову, а то и две, и была очерёдность – сколько их во дворе, столько дней надо помогать пасти стадо. Пастуху поочередно с каждого двора выделялись помощники, подпаски, обычно это были старшие дети. Остальные селяне работали на полях. Вот и мама уже в семь лет ходила помогать пасти стадо, а потом ей надо было подоить корову, когда та возвращалась в стойло. Кроме того, маме постоянно приходилось делать много другой работы по хозяйству. Детство у неё после кончины бабушки закончилось, но это развило в мамином характере трудолюбие и ответственность. Через год после кончины бабушки дедушка женился второй раз, но жизнь легче не стала.

В четырнадцать лет мама уехала в Архангельск к своему брату, Захару, где устроилась ученицей в ателье по пошиву пальто и одновременно училась в вечерней школе. Прожив несколько лет в Архангельске, она с подругой переехала в Кемь (Карелия) и поступила работать кассиром на железнодорожную станцию. Здесь она долго не оставалась: в конце августа 1938 года начальник станции предложил ей ехать в Москву поступать учиться в институт и дал письменную рекомендацию. Москва приняла маму сурово. Она приехала уже в сентябре, когда учебный год начался, и никуда поступить ей не удалось, да и поиски работы в столице были безуспешны. Ей посоветовали ехать в пригород, где возле Раменского легче было найти и работу, и общежитие. Она села в электричку, которую увидела первый раз в своей жизни...

Расстроенная тем, что она в этом большом городе никому не нужна, вспоминая тот короткий период жизни, когда была окружена материнской заботой, она ехала в неведомое ей Подмоскovie. В это время ей вспомнилось наставление мамы – будет трудно, молись Божией Матери, – и она стала читать молитву «Богородице Дево, радуйся...». На глазах у неё появились слёзы от тоски и полного одиночества. Напротив неё в электричке сидела женщина. Увидев мамино сосредоточенное лицо и слёзы, и поняв, что она молится, эта женщина заговорила с ней. Мама рассказала ей о своих проблемах, о том, что едет фактически в никуда. Попутчица пригласила её к себе домой переночевать и пообещала помочь. Этой женщиной была монахиня Питирима. Так мама оказалась в Удельной.

Монахиня Питирима приняла её как родную дочь, оставила жить в своём небольшом домике и помогла с работой. В доме напротив недавно переехавшие Капалины также начинали новую жизнь, им оказывали помощь монахини Питирима

и Михаила. Через них папа и мама познакомились и весной 1941 года поженились. А через два месяца началась война, отца забрали на фронт, и мама осталась с больной бабушкой Марией.

Годы войны для мамы прошли особенно тяжело. В начале войны она была на сносках, и 6 января 1942 года у неё родился первенец – Николай. Работать она не могла, а в военные годы пайки для неработающих были маленькими. Карточки, которые выдавали, надо было отovarить. На огороде ничего не росло, земля ещё не была обработана, а то, что продавалось на рынке, стоило дорого. Мама с большим трудом пережила первую военную зиму.

Когда пришла весна, она стала разрабатывать пустырь, чтобы устроить огород, посадить картошку и овощи. Земля была песчаная, и чтобы на ней что-то выросло, маме приходилось за два километра с поймы небольшой реки возить торф. Собранного урожая хватило только до февраля, и они с соседкой-сверстницей решили идти пешком за 150 км в Рязанскую область, чтобы кое-какие ещё остававшиеся в доме вещи выменять на продукты.

Путь был небезопасен, ведь на дороге в военное время их мог задержать патруль, в городах показываться было нельзя, да и в деревнях лучше было не встречаться с местной администрацией. На обратном пути подстерегала ещё одна опасность – продукты, которые они выменяли, могли отобрать либо представители власти, либо лихие люди. Мама говорила, что ей помогали Божия Матерь и Святитель Николай. Во время дороги она неоднократно обращалась к нему в молитве, и, приближаясь к каждому селу, читала «Богородица Дево, радуйся...».

В 1942 году у бабушки обострилась болезнь желудка, перешедшая в рак, и она почти не ходила. Маме пришлось ухаживать за ней и нянчить Николая. Чтобы иметь средства для жизни, она работала на дому, и к ней постоянно приходили люди с просьбой что-нибудь сшить. Следующие две зимы, когда брат немного подрос, прожить стало легче. Да и с огорода урожай собрали лучше, так что картошки, огурцов, капусты хватало на всю зиму.

В июне 1945 года отец вернулся с фронта, и в доме появилась мужская рабочая сила. Во время войны он получил ранение, был контужен и потерял левый глаз. За участие в ряде военных операций был отмечен боевыми наградами. Он устроился на работу в городе Раменское, а мама оставалась дома

с больной бабушкой и старшим братом. А 5 мая 1946 года в семье родился второй сын – Виталий.

В субботу 25 мая 1946 года в возрасте 69 лет скончалась бабушка Мария. В то время суббота была коротким рабочим днем. Папа вернулся с работы, переоделся и пошёл что-то делать во дворе. В это время бабушка позвала маму и сказала: «Молитесь, я умираю». Все собрались у её постели и стали читать акафист Божией Матери. Во время его чтения бабушка скончалась. Её похоронили рядом с дедушкой на старом кладбище в поселке Родники.

Я родился в воскресенье днём 7 августа 1949 года, а мой младший брат Алексей, сейчас он архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий, – 11 марта 1952 года. На седьмой день после рождения, 13 августа, меня крестили в нашем храме. нарекли меня Германом, в честь преподобного Германа Соловецкого, чья память отмечалась в этот день.

Хотя с каждым годом война отдалялась, но вся страна ещё живо помнила её ужасы, в народе чувствовалась радость победы. Дух патриотизма и любви к Родине, который был присущ людям послевоенного времени, повлиял на сознание нашего поколения. О Великой для нашего народа войне и Великой Победе часто рассказывал мой отец. Когда собирались родственники, они тоже много говорили о тех героических днях. Эти рассказы развивали здоровый патриотический настрой. Но главной силой, объединяющей нашу семью, была вера родителей и семейный уклад жизни, где все, несмотря на советское время, старались жить в духе Православия. У нас дома перед иконой всегда была возжена лампада, мы постоянно молились вместе.

Большое духовное значение для нас имел храм в Удельной в честь Святой Живоначальной Троицы. Этот храм небывалой красоты был построен в 1897 году по проекту архитектора Семёна Семеновича Эйбушитца. Его четверик венчает восьмигранный шатёр с небольшим куполом и позолоченным крестом. В народе он чаще назывался Никольским храмом, так как в нём был придел, посвящённый Святителю Николаю, где хранился почитаемый образ этого угодника. Храм находился в десяти минутах ходьбы от нас, он являлся нашим вторым домом, а его прихожане – нашей большой семьёй. Там нас все знали и всегда в трудные моменты помогали.

После революции храм не закрывался, только когда были арестованы и расстреляны в 1938 году священник Алексей

Никитский и диакон Симеон Кулямин, он остался без священника, и богослужение в нём не совершалось. Оба эти священнослужителя причислены к лику святых, и их память отмечается 15(28) февраля. В 1950-е годы здесь служили три священника. Настоятелем был протоиерей Иоанн Соболев. В конце 1960-х годов его перевели в Патриарший Богоявленский собор и возвели в сан протопресвитера. В клире также состояли протоиереи Александр Сахаров и Петр Белокрылов, протодиакон Михаил Розанов.

Богослужение совершалось каждый день, а по праздникам было по две Литургии. Мы любили ходить на всенощные бдения, когда на полиелей выходило всё духовенство: отец Иоанн и отец Александр в митрах, а отец Петр в камилавке, торжественно пел хор.

В детстве я ходил в храм с мамой, а когда она не могла, то меня водил отец. Помню, как-то летом, мне было годика четыре, пришли мы с отцом в храм и после окончания вечернего богослужения зашли в палисадник, полный цветов. Мы сели на лавочку, я смотрел на главки храма с крестами, которые взвились высоко в небо, и вокруг них летали ласточки. Папа говорит: «Пора домой идти». А я не мог насладиться красотой сияющих от лучей заходящего солнца золотых крестов и летающими маленькими Божиими творениями и без конца задавал папе вопросы: «Почему? Почему? Почему?» Мне, маленькому мальчику, нестерпимо хотелось всё и сразу узнать о том, почему так красив наш мир и как велик его Создатель.

Постепенно храм всё основательней входил в мою жизнь, как отчий дом, с каждым днём он становился для меня всё ближе и дороже. Пятилетним я шёл в храм с кем-то из старших, а там уже сам проходил вперёд и становился около солеи, чтобы видеть, как священник совершает богослужение. Тогда в простой воскресный день наш храм так заполнялся народом, что уже в начале Литургии в него нельзя было войти. Люди молились на крыльце и слушали службу у открытых окон.

В том возрасте мне запомнился праздник Рождества Христова. Накануне, в сочельник, я первый раз дожидался звезды, ничего не ел. Когда пришёл в храм, внутрь трудно было попасть, но я пробился через хор на своё место к солеи. Там, перед алтарём, было много ёлок, пахло хвоей, и мне казалось, будто стою не в храме, а в лесу, и сейчас произойдёт какое-то чудо. И маленькое чудо совершилось. В храме было так много людей, что они теснились даже возле амвона. В это время протодиакон

Михаил вышел на ектенью и, видя, что ребёнка толкают, поставил меня на солею перед иконой Спасителя. Я был безмерно счастлив, ведь я стоял около алтаря и, когда открылись Царские врата, наблюдал за тем, что там происходит. Для меня это был необыкновенно счастливый момент. Потом я жил ожиданием, когда же ещё наступит такой праздник, чтобы опять подняться на солею.

Мы с Алексеем, младшим братом, очень любили ходить к жившим напротив монахиням Михаиле и Питириме, ей тогда было за семьдесят лет. У них в доме было много икон, перед которыми всегда горели лампы. Под иконами стоял столик, на нём лежали разные святыни. Больше всего нас привлекал камушек, сантиметров пятнадцать шириной и десять высотой, с изображением преподобного Серафима Саровского, молящегося на коленях. Мы любили прикладываться к этой святыне и слушать рассказы о том, как Преподобный молился. Монахини с нами много не говорили, а всегда в нескольких словах что-нибудь рассказывали простым и понятным для нас, детей, языком. Позже я понял, что это был их педагогический приём. Со взрослыми, к примеру с моей мамой, они могли разговаривать часами, а нам, малышам, считали достаточным сказать несколько слов, но так, чтобы мы их поняли и могли сохранить в своей памяти. Обязательно каждый раз они угощали нас чаем с вареньем и сухариками, порезанными кубиками, как это делают в Дивеево. Ещё давали несколько карамелек, что тогда было редким лакомством.

Монахини были очень грамотными, образованными. Большая часть их домашней библиотеки состояла из духовной литературы, и когда я научился читать, то они давали мне свои книги. Особенно запомнилось Евангелие с картинками и жития святых. Читая священную историю и жизнеописания святых, мы чувствовали силу Церкви и величие веры, которую имели подвижники, особенно периода гонений на христиан в первые века. Сила подвига святых укрепляла монахинь, и эту веру они передавали нам.

Но главное влияние, как на меня, так и на моих братьев, оказала мама, человек глубокой и искренней веры. Мы часто видели её молящейся. Вечером она нас накормит, уберётся на кухне, поможет умыться, когда были маленькими, и уложит спать. А сама, если надо что-то постирать, стирает (тогда стиральных машин не было, а были у нас корыто, таз, бачок для кипячения белья и стиральная доска), напечёт пирогов и потом

встаёт на молитву. Мы проснёмся часов в двенадцать ночи, а она молится, слышим, полушёпотом поёт: «Се, Жених грядет в полнощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща...». Вечерами она всех нас собирала на общую молитву. Каждый четверг мы читали Акафист Святителю Николаю. Она нас учила правильно креститься, водила на службы и всегда напоминала, что в храме на молитве мы стоим перед Богом, а поэтому приходиться надо в чистой одежде, не опаздывать и стоять со вниманием. И всегда подчеркивала: получив приглашение от царя, к нему пришли бы вовремя, не опоздали бы и стояли бы чинно, а Бог выше царя.

Мама научила нас правильно воспринимать дореволюционную Россию. Она рассказывала, что царь любил народ, и помещики заботились о своих крестьянах, как отец заботится о своих детях. В деревнях жили хорошо, всегда был хлеб, люди любили трудиться, больше было справедливости. И только когда посеяли смуту в головах и наобещали всего, произошла революция.

Во время войны у мамы начались проблемы со здоровьем. Недоедание, грубая пища, тяжелый физический труд подорвали её силы. В 1956 году у неё случился первый инфаркт миокарда, а всего она перенесла их три. Мне тогда не было ещё семи лет. Мы все очень переживали, и я с младшим братом постоянно заходил к ней узнать, как она себя чувствует. Однажды, зайдя в комнату, мы увидели, что она смотрит на икону Божией Матери и молится. Мы спросили ее: «Мама, чего ты у Божией Матери просишь?» Она ответила: «Я прошу Её, чтобы Она вас не оставила, если я умру». Потом она помолчала и сказала мне: «Гера, от Бога не отрекайся. Что бы тебе ни обещали, от Бога не отрекайся, сохрани в себе веру». Я увидел на её глазах слезы. Мы с младшим братом пошли в соседнюю комнату и стали молиться, как могли. Мы просили Бога, чтобы мама выздоровела. Тогда она проболела около трёх месяцев.

Все это время мы находили поддержку с разных сторон. Нам помогали прихожане нашего храма, приезжали знакомые верующие из Москвы, привозили московских врачей и лекарства. В это время за нами смотрела двоюродная сестра Нина Васильевна Бурчевская. Она приехала в Удельную из Белополья в 1948 году и поступила работать поваром в детский сад. Во время болезни мамы она каждый день после работы приходила к нам: следила, чем мы занимаемся, готовила ужин и варила первое на следующий день, чтобы нам самим не готовить. Давала задание по огороду, которое мы должны были выполнить.

Она проявляла к нам подлинную христианскую любовь, заботилась о нас так, как сейчас порой родители не пекутся о своих детях. В те дни мы были для неё всем, она за нас очень переживала. Когда мама чувствовала себя особо плохо, тетя Нина отпрашивалась с работы и прибегала в день по два-три раза, чтобы как-то ей помочь. Её пример развивал в нас чувство заботы о ближних.

Мужская работа теперь доставалась старшему брату – Николаю (теперь он протоиерей), так как отец с утра до вечера был на работе. Уже в четырнадцать лет он полностью заботился о нас, вёл почти все дела по дому. Николай объездил многие монастыри и везде просил, чтобы молились за маму. Помню, тогда я первый раз с ним поехал в Троице-Сергиеву Лавру. Это было летом, выехали мы рано утром, чтобы успеть к Литургии. Езды – два с половиной часа. Я ехал с твёрдой верой, что если там будут молиться за маму, то она выздоровеет. Тогда я первый раз увидел монахов, почти у каждого брал благословение и просил: «Помолитесь за маму и за меня, грешного».

Когда мне исполнилось семь лет, я поступил в обычную советскую школу. Однажды – это было во втором классе – у меня обнаружили крестик, учительница поставила перед всем классом и заявила: «Он верующий и носит крестик». Некоторые ребята засмеялись, но большинство к этому отнеслось спокойно: носит крестик ну и пусть. Дети есть дети, с их стороны проблем не было. Когда они дружат между собой, то не спрашивают, верит ли его друг и ходит ли он в храм, если, конечно, взрослые не настроят соответствующим образом. И дальше произошёл курьёз. Учительница была молодой и ждала иной реакции со стороны учеников, чтобы показать мне, что «нормальные» советские дети в храм не ходят и крестики не носят. Она спросила класс: «Вот кто-нибудь из вас ходит в церковь?» И тут многие подняли руки – оказывается, почти половина ребят из класса бывали в храме с бабушками, а некоторые ещё признались, что они причащались. Это сильно смутило учительницу, и она стала говорить, что Бога нет, это доказано наукой, и люди образованные в Церковь не ходят. И если в Советском Союзе ещё остались храмы, то это для тёмных старушек, а молодым советским людям там делать нечего. Несмотря на такое поведение учительницы, реакция большинства одноклассников показала, что и в советское время при сильной атеистической пропаганде в народе, в семьях вера сохранялась, хотя её приходилось скрывать.

Помню ещё один случай. В 1961 году, когда старший брат поступил в семинарию, на него оказывалось очень сильное давление. Ему рекомендовали поступать в институт, предлагали хорошую работу, говорили, что незачем учиться на священника, потому что скоро все храмы закроют. Но Николай твёрдо отвечал, что выбор свой уже сделал. Тогда же вызвали на обще-школьной линейке второго моего брата, Виталия (он на три года был меня старше), и перед всей школой директор сказал: «У этого ученика в семье большая трагедия – его брат поступил в Тимирязевскую академию». Все как засмеются! Он спрашивает: «Почему смеетесь? Ведь он там на попу учится!» Директор перепутал Духовную академию с сельскохозяйственной Тимирязевской – ну, академия и академия, тогда и известна была только Тимирязевская.

Господь устроил так, что с пятого класса классным руководителем у меня был преподаватель истории Дмитрий Михайлович Богородский. Верующий человек, хотя веру свою он скрывал, но перед дирекцией всегда нашу семью защищал, часто заступался за нас и помогал. Когда хотели принять в пионеры или проводили какое-нибудь мероприятие, предупреждал нас и говорил маме: «Ваши завтра могут не приходиться, скажите, что болеют».

Как-то мы с братом Алексеем поехали на Пасху в Лавру и после ночной службы возвращались домой. За несколько минут до отправления поезда пришли на платформу, сели в последний вагон электрички и стали продвигаться вперед состава, так как наши знакомые обычно ездили в четвёртом вагоне. Когда мы туда пришли, то я смотрю – в третьем купе у окна сидит Дмитрий Михайлович и оживлённо беседует с другими пассажирами. Мы, конечно, испугались – тогда была практика посылать учителей смотреть, кто из школьников ходит в храм, – повернулись и побежали в конец состава. Через несколько лет, когда Дмитрий Михайлович достиг пенсионного возраста, он ушёл из школы и поступил работать в Издательский отдел Московской Патриархии. В то время я его как-то встретил, и он мне рассказал, что с детства верит в Бога, всегда ездил в храм в Москву, так как, будучи преподавателем, не мог ходить в храм в Удельной. Добавил, что он очень переживал, когда на педагогическом совете поднимали вопрос, почему Капалины не вступают в пионеры и как учителя допускают, что они ходят в храм.

Время тогда было сложное, в стране наступила хрущёвская «оттепель», которая для Церкви обернулась новыми гонениями.

Уберечь веру помогала домашняя обстановка, а внешняя среда её наоборот подавляла. После болезни мамы к нам домой стало приезжать много людей. Приходили не только наши священники, приезжали из Москвы и других городов, из Троице-Сергиевой Лавры. Вспоминая те годы, я хотел бы подчеркнуть один момент. Когда нас навещал кто-либо из прихожан, приезжали из Москвы или из Лавры и других мест, мы – дети – слышали, что у взрослых беседы всегда были только о вере, о духовной жизни, о том, как люди отстаивали свои храмы от закрытия. Никогда мы не слышали пустых разговоров. Ещё хорошо помню, как нам давали читать духовные книги или тетради с переписанными от руки духовными рассказами.

С началом хрущёвских гонений стало приезжать много людей из Сибири и Украины, с Поволжья и из северных областей. Священников и мирян приводило в Москву и Лавру трудное положение Церкви на местах. В столицу приезжали, чтобы попасть в Патриархию или в Совет по делам религий, и там излить своё горе и найти защиту, а в Лавру – получить духовный совет и укрепиться в молитве у мощей преподобного Сергия. В Загорске, так назывался тогда город Сергиев Посад, останавливаться иногородним было нельзя, там даже ночью по домам ходила милиция и проверяла паспорта, и если не было регистрации для проживания, то могли забрать в отделение. Вот эти люди, водимые горем, заезжали к нам, чтобы передохнуть, и отправиться дальше искать защиты. В беседе за ужином они рассказывали, как верующий народ в разных местах защищал от закрытия храмы и монастыри. И я, тогда ещё ребёнок, слушая о гонениях на Церковь, о притеснениях верующих и о мужестве, с каким они отстаивали свои храмы, укреплялся в вере и думал, что, когда вырасту, обязательно буду помогать этим страдающим людям и так же, как они, сохранять православную веру.

Кроме своего храма мы тогда ездили и в другие храмы. На нашем приходе вечером, после всенощной, собирались человек двадцать и договаривались: в таком-то храме завтра праздник, поедем, чтобы поддержать приход. Мама обычно в такие поездки брала нас, младших. Мы выезжали утром с первой электричкой, а на дальние приходы и вечером, чтобы с утра уже быть на месте. Мне больше всего нравилось так ездить в сельские храмы. Если наш храм в Удельной всегда был переполнен и пели певцы из Москвы, то в сельском храме было свободно, легко было молиться, а на клиросе пело несколько человек из сельчан, к ним присоединялись и наши прихожане.

Их пение было спокойным, более молитвенным и несло в себе любовь. Во время службы часто приходил кто-то из местного сельсовета: зайдёт в храм, посмотрит и уходит. Потом в электричке по дороге домой я слышал, как старшие говорили, что это из сельсовета приходили посмотреть, сколько народу в храме. У нас с братом на душе была радость – наш приезд помог сохранить храм от закрытия, ведь власти увидели, что в храме народа много. Поддержкой было и то, что все приезжающие покупали много свечей и подавали записки для поминовения. В то время я мечтал: если стану священником, то непременно буду служить в каком-нибудь сельском храме.

Когда стали старше, то мы с младшим братом и знакомыми нашими сверстниками по Лавре ездили на более дальние приходы на два-три дня: в храм Святителя Николая в селе Вашка (Переславский район Ярославской области), где тогда священником был Владимир Агриков, племянник архимандрита Тихона, и в село, где служил иерей Владимир Маркин, которого за его духовность и молитвенность перевели туда из нашего удельнинского храма. Отец Владимир Агриков в 1965 году окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Желая быть ближе к ставшей ему родной Лавре Преподобного, где в то время был архимандрит Тихон, он попросился в Ярославскую епархию. Когда он туда прибыл, то места для него, кандидата богословия, в городских храмах не было. Его направили в отдалённое село в запущенный храм, где почти не было народа. Ему пришлось не только восстанавливать храм, но самое главное – возрождать духовную жизнь на приходе. С его назначением постепенно храм стал заполняться народом. Туда стали приезжать москвичи, на службах храм заполнялся.

Ещё одним важным фактором считаю постоянное общение с духовенством и верующими людьми. Наш дом часто посещали служившие в нашем храме священники – протоиерей Владимир Маркин (назначен к нам в 1960 году, ему было тогда 22 года) и протоиерей Николай Пташинский. Приезжали из Лавры архимандрит Тихон Агриков, архимандрит (ныне митрополит Чебоксарский и Чувашский) Варнава, архимандрит Сергей, а также иеромонах (ныне архимандрит) Власий Перегонцев, служивший в то время в Сибири, студент Московской духовной семинарии Николай Старинский (ныне архиепископ Николаевский и Вознесенский Питирим), протоиерей Владимир Ганин,

служивший недалеко от нас в храме в Жилино. Приход священника всегда приносил нам радость. Дома обычно устраивали чаепитие. Видя желание младших как-то поучаствовать в этом, нам поручали подготовить самовар – только не электрический, а на углях. Это мы делали с большим удовольствием, потому что потом, когда все пили чай и хвалили, какой он вкусный, доброе слово, сказанное в адрес наших трудов, каждый раз вдохновляло нас. Гости уедут, а мы ждём, когда они опять появятся у нас, чтобы приготовить чай ещё вкуснее. Очень полезно детям видеть гостеприимство, проявленное родителями, – тогда и у них развивается дух радости и любви, когда приходят гости.

В то время особенно трудно было сохранить веру молодёжи. К нам домой приходило много маминых знакомых, которые сами были верующими, а их дети отказывались ходить в церковь и носить крестик. Причиной, я думаю, во многом было маловерие родителей и некий ложный страх, что если дети будут ходить в храм, то станут какими-то отсталыми. Не отсталыми они стали бы, а духовно здоровыми, что самое важное для человека.

Главное в деле сохранения веры – внутренняя обстановка в семье. Если родители будут учить Евангелию и словом, и своей жизнью, это благотворно скажется на детях. Для любого ребенка первостепенным является пример родителей, обстановка в семье, её внутренний настрой. Ребёнок старается повторять всё, что делают родители. Если сознанием или физиологически он не вырос, то в своих играх будет им подражать, или в своём уме совершать такие же дела. Если они стремятся в храм – и ребенок будет с желанием туда идти. В семье соблюдается пост – нетрудно будет поститься и ребёнку.

Родители воспитывали нас не назиданиями, а примером своей жизни. Помню, когда мне было лет десять, у мамы во время Великого поста обострилась язва. Ей говорили, что надо употреблять молоко и другие подобные продукты, но она категорически отказалась нарушать пост, ела геркулесовую и рисовую кашу, сваренные на воде, с оливковым маслом. Тогда оливковое масло в магазине трудно было купить, знакомые специально «доставали» для неё в Москве и привозили. Пост прошёл, и язва прошла. Глядя на маму, мы навсегда запомнили, что посты – это не формальность, и соблюдать их очень важно. Обычно Великим постом мама приготовит нам завтрак, мы поедем и – в школу, а она идёт в храм на службу, вернётся домой,

позавтракает и затем готовит нам обед. Любовь к храму детям прививают не словом, а наличием такой любви у родителей.

Отец всегда старался причаститься в день своего ангела на праздник Архистратига Михаила. Как-то раз старший брат, будучи уже студентом семинарии, приехал в этот день домой и прислуживал в алтаре в нашем храме. Отец, вернувшись после Литургии, с гордостью рассказывал: «Когда настало время причащения, – а причастников много, поэтому вынесли несколько чаш, вижу – рядом с центральной чашей мой сын стоит в стихаре. Тогда я почувствовал за него настоящую гордость и стал пробираться к тому месту, чтобы причаститься». Слова отца о том, как он обрадовался, увидев сына облачённым в стихарь, глубоко запали мне в сознание, я ещё больше убеждался в том, что быть священником – это большая честь.

В те годы наша семья переживала самые разные нападки. Угрожали родителям, что если будут водить детей в храм, их заберут в детдом. Да и нас порой преподаватели высмеивали перед одноклассниками. Пережить все это помогла поддержка мамы. Она говорила: «От Бога не отрекайся. Смотри, как святые поступали, когда их мучили, и получили венец».

В своем сознании я никогда не отделял себя от Церкви и с ранних лет мечтал служить Богу. Вспоминаю, когда был ребенком, школьником, мы с младшим братом, придя из храма, продолжали «совершать» богослужения дома, повторяли всё, что видели и слышали в храме. Откроем молитвослов и по очереди начинаем петь «на клиросе» – то он, то я. Мамин платок или скатерть со стола служили нам фелонью, было и самодельное кадило, сделанное из банки. Положим в него древесных углей из печки, на них сверху кусочек смолы, благо, на окраине участка у нас росли сосны, и ходим с ним по дому – совершаем каждение. То есть с самого детства во мне было стремление служить в храме, быть в алтаре.

В конце 1950-х годов мама и старшие братья стали регулярно брать меня с собой на праздники в Троице-Сергиеву Лавру. Особенно полюбилось мне бывать там на праздник преподобного Сергия 18 июля, когда туда приезжало, по тем меркам, большое количество архиереев. Мы смотрели, как владыки идут на службу, как во всех храмах они совершают Божественную литургию, а после Литургии выходят на соборную площадь для молебна. Людей собиралось множество, приезжали накануне из разных мест, Успенский собор и Трапезный храм были открыты всю ночь, и там совершалась исповедь. Многие верующие

ночью отдыхали прямо на улице, на скамейках. Утром, в сам праздник, народу было ещё больше. И хотя всегда в этот день с восьми часов утра и до двух часов дня все электрички из Москвы в сторону Загорска «по техническим причинам» отменялись, люди находили возможность добраться до Лавры. Все это на меня производило большое впечатление.

После службы мы вместе с младшим братом стремились подбежать к каждому архиерею, чтобы взять благословение. Мы относились к ним как к людям, облечённым Христом особой благодатью, а потом радостно пересказывали, у какого количества владык мы взяли благословение. Мы очень ценили возможность получить святительское благословение.

Большим счастьем для меня были все праздничные и воскресные дни, когда мы ездили в московские храмы на архиерейские богослужения. Я тогда ещё не понимал всего значения архиерейской службы, но уже само присутствие на них наполняло особым благоговением. Московские храмы для меня были мало знакомы, но хорошо помню, что во время архиерейских служб они всегда были заполнены верующими. Тогда, как и сейчас, народ очень любил архиерейские службы, и многие стремились побывать на них.

В то время в Москве постоянно служил, кроме патриарха Алексия Симанского, митрополит Николай Ярушевич, а на праздник святителя Алексия, митрополита Московского, 25 февраля в Богоявленском соборе собиралось несколько десятков архиереев. Богослужение проходило впечатляюще – собор был переполнен, большое количество епископов и духовенства, торжественное пение, неторопливое служение, особый молитвенный настрой. Все это передавалось нам, совсем юным, и наши сердца наполнялись той торжественной радостью, которая присутствовала вокруг. С особым почтением мы смотрели на седовласых, маститых архиереев, ведь многие из них были живыми исповедниками своей веры. На этих службах я впервые услышал их имена и увидел этих великих подвижников: митрополита Иосифа Алма-Атинского (Чернова), который провел в сталинских лагерях около двадцати лет, но во все дни своей жизни владыка полагался на Христа и Пречистую Божию Матерь, и молитва была его постоянным делом; архиепископа Вениамина (Новицкого), проведшего двенадцать лет в лагерях на Колыме и служившего на Тобольской, Иркутской и Чебоксарской кафедрах, он являл особое усердие в молитве и проповеди Слова Божия, причем для убедительности приводил научные

факты; архиепископа Ермогена (Голубева), который тоже прошёл через сталинские лагеря, служил в Средней Азии, где в конце 1950-х годов в городе Ташкенте построил собор на четыре тысячи человек, а потом трудился в Калужской епархии; архиепископа Павла (Голышева), за годы епископского служения в Перми, Астрахани, Новосибирске явившего себя защитником Православия и ревностным его проповедником. Много о подвиге служения епископов я узнавал от гостей за неторопливой застольной беседой в нашем доме.

Верующий народ особенно любил святейшего патриарха Алексия I Симанского, человека высокой культуры, подвижника и исповедника. Я видел, как он совершал богослужение. В его литургических возгласах чувствовалась особая пастырская духовная сила. Даже сейчас в моем сознании звучит его голос.

Однажды к нам на приход приехал митрополит Николай (Ярушевич). Помню, мы обедали после Литургии, и кто-то из взрослых сказал, что к нам приедет служить митрополит Николай. Это сообщение произвело на меня куда большее впечатление, чем все рассказы, которые я слышал о нём ранее. Я был как-то по-особому взволнован, ждал чего-то необычного. У нас в храме будет служить владыка Николай! Наша церковь была для меня родной, я постоянно ходил туда на службы, знал всех священников, которые у нас служили, но архиерей к нам, на моей памяти, приезжал впервые.

Накануне храм стали готовить для архиерейской службы, поставили кафедру, по-другому расставили аналои, постелили много ковров. Меня поразило, что перед прибытием владыки приехало много людей, которые со знанием дела стали всё готовить, начали стелить орлецы, выносить из алтаря иконы и класть у Царских врат, хотя у нас в храме были свои алтарники. Я ещё не понимал, для чего все это делается, но видел, что архиерейская служба – это нечто особенное. Потом все ушли в конец храма, встречать митрополита, и я тоже решил пойти, но пришлось пробиваться на улицу через боковой вход, так как народу в церкви было уже много и по центральной дорожке ходить запрещали.

Когда подъехал митрополит, народ так теснился и рвался взять у него благословение, что я только с краешку видел его лицо. К владыке тянулись сотни рук со всех сторон. Ему преподнесли цветы, духовенство взяло благословение, и он пошёл в храм, а весь народ хлынул за ним. Оказалось, что хоть я и пришёл заблаговременно, но в храм попасть не смог – из-за

большого количества людей туда невозможно было пройти и через боковой вход. Ближе к середине службы я протиснулся вперёд и повис одной ногой на ступеньке клироса, из-за множества народа было плохо видно, как проходит Литургия. Верующие стояли везде, даже на солее, так что протодиакон с трудом пробивался к Царским вратам, чтобы произнести ектенью.

Митрополит Николай запомнился мне своим по-отечески мягким нравом и пронизательным словом. Когда он говорил, все люди слушали с замиранием сердец. Какие глубокие мысли он мог передать простым языком! Действительно, владыка имел особый дар проповеди, в которой ему удавалось сочетать простой стиль изложения с высоким красивым слогом. Он обращался ко всем как ласковый отец, даже больше чем отец. Во время его проповеди я смотрел вокруг и видел, что все были полны внимания и радости, слушая владыку. Потом дома мы ещё долго делились впечатлениями о посещении нашего храма митрополитом Николаем.

В то время не было воскресных школ, поэтому проповедь с амвона была единственным способом получить хоть какие-нибудь религиозные знания. И эти проповеди, особенно архиереев, укрепляли в людях веру. Уже тогда я понимал, что архиерейская молитва сильна перед Богом.

Все верующие с особой любовью относились к митрополиту Николаю и к другим архиереям, понимая, что им приходится тяжелее всего. Мама мне как-то говорила: «Смотри, как нам нелегко сохранять веру, какие мы испытываем притеснения. А как архиереям и священникам – против них враг ещё больше ополчился. Многие из них были в тюрьмах, лагерях, были исповедниками, но сохранили веру. Учись у них быть преданным Христу».

Помню, рассказывали об одном случае, который произошел в 1961 году. Святейших Патриарх Алексий был приглашён на конгресс сторонников мира. Он выступил с пламенной речью, в которой обличал власть и рассказывал о трудном положении Церкви. Слова его звучали примерно так: «Церковь Православная дала русскому народу язык, культуру. Она сформировала сознание нашего народа и теперь она гонима...» Естественно, ему никто не аплодировал, но в то время, чтобы сказать подобные слова, надо было обладать большим мужеством.

Трудно описать всё, что переживали архипастыри в тот тяжёлый для Церкви период. Мне рассказывали пожилые священники, как приходилось унижаться перед уполномоченными

по делам религий. Взять, к примеру, епископа Ермогена Калужского, который встал на колени перед таким уполномоченным и, защищая священника, просил оставить его на приходе. Архиерей в тот момент не думал о своём высоком достоинстве и преклонил перед ним колени, чтобы смягчить жестокое сердце чиновника.

Русские архипастыри делали всё, чтобы защитить свою паству, православные храмы и святыни. Они не думали о том, что с ними после этого могут сделать, не боялись гонений или перемещения на другую кафедру. Все их мысли были о том, как послужить своей жизнью на благо Церкви и своего народа. Глядя на исповеднический подвиг таких архипастырей, и священники обретали духовные силы. В те годы архиерейство было равно мученичеству.

Огромное влияние на меня оказала Троице-Сергиева Лавра. После удельнинского храма, она стала для меня второй школой благочестия, а в духовной жизни имела, пожалуй, определяющее значение. В Лавру я начал ездить с семилетнего возраста, и, взрослея физически, все больше прилеплялся к ней духовно. Тогда она отличалась большим количеством поистине духоносных и святых старцев. Такие её насельники, как схииеримандрит Серафим, архимандрит Петр, были истинными старцами и молитвенниками. Исповедники веры, они привлекали своей духовностью тысячи людей, которые в те времена гонений безбоязненно ехали в Лавру со всего Советского Союза, зная, что преподобный Сергей их защитит. Старцам было тогда уже за восемьдесят лет, постриг они принимали ещё в дореволюционных монастырях. Нам с братом рассказывали о тех испытаниях и преследованиях, которые они пережили, и мы думали: «Вот настоящие герои, ничто не сломило их веры». Это, действительно, были пастыри огромной духовной величины. Их молитва, благословение, слово заряжали человека небывалой силой, помогавшей преодолеть все трудности. Мы радовались, что есть люди, которые так беззаветно служат Богу и защищают Церковь.

Пострадал за Христа и другой лаврский насельник того времени – архимандрит Феодорит. Он был в заключении и там за проповедь о Христе ему урезали язык. Это сказалося на его речи, но он проповедовал почти каждое воскресенье, и народ слушал его с большим вниманием. На его проповеди собиралось много молодежи, потому что это было слово Исповедника, перенёсшего гонения.

Духовником нашей семьи был архимандрит Тихон (Агриков), когда мы начали к нему ходить, он ещё был игуменом. Он оказал большое духовное влияние на всех нас. Отец Тихон, участник войны, окончил Московскую духовную академию, преподавал в академии и был духовником Троице-Сергиевой Лавры. Это был человек высокой духовности и постоянной молитвенной настроенности, обладавший живой верой, которая духовно преображала людей, соприкасавшихся с ним. Он часто проповедовал, у него окормлялись люди с разных уголков Советского Союза, и к нему тянулась молодежь. Его проникновенное слово, обращённое к душе человека, доходило до сознания каждого. Даже мы, ещё дети, с большим вниманием слушали, что говорит «батюшка» – именно так его все называли. И если спросишь у кого-то из братии монастыря: «Батюшка исповедует?», то в ответ услышишь: «Отец Тихон? Да, исповедует». Он мог исповедовать народ в Трапезном храме всю ночь, а затем служить раннюю Литургию, проповедовать на ней, и после Литургии принимать народ. Откуда у него брались силы? Он себя не жалел, потому Господь его укреплял.

Первыми к отцу Тихону стали ходить на исповедь мама и старший брат Николай, а затем и все мы. В моём тогда ещё юном сердце навсегда запечатлелся его пастырский облик, его ласковое отношение к нам, детям. Каждое простое слово, сказанное им, несло в себе наставление.

Архимандрит Тихон иногда бывал у нас в гостях. Приезжал обычно летом. К его приезду мы все готовились, как к Пасхе. Наводили порядок в доме, выметали все дорожки, а главное, читали Евангелие, учили молитвы и тренировались в церковнославянском языке, чтобы показать ему свои знания. В нашем доме ему отводилась лучшая комната. В такие дни к нам приходило много гостей – священников и мирян, чтобы с ним побеседовать. Во время этих бесед мы с младшим братом старались всех обслуживать: ставили самовар, подавали чай, пироги, ягоды, и следили, если батюшка или кто-то из гостей допьёт чай, то сразу предлагали налить ещё. Когда гости разойдутся, то отец Тихон и с нами посидит, поговорит, проверит наши знания и каждому скажет несколько слов наставления. Он понимал, что всё мы не запомним, но хоть немного, что скажет, выполним. Когда мне было двенадцать лет, он сказал мне, что я до четырнадцати лет должен прочитать полностью Евангелие четыре раза. После каждого посещения им нашего дома мама всегда меня спрашивала: «Ты помнишь, о чём говорил отец Тихон?»

Отец Тихон запомнился мне мягкостью характера. Даже когда он ругал или делал замечание, это было без злобы, а с любовью и в целях наставления. «Что ты опять бегаешь по храму, стой, хоть чуть-чуть помолись», – говорил он нам, когда видел, что кто-то прошёл по храму раза три за время службы. В его словах никогда не было агрессивности, зато всегда чувствовалась любовь, обращенная к людям.

В конце 1960-х годов отец Тихон, к сожалению, был вынужден уехать из Лавры и жить в разных монастырях, скрываясь от гонений. Я его посещал несколько раз, когда он жил в монастыре в Закарпатье. Он был человеком праведной жизни, и за праведность и проповедь Христа его преследовали.

С двенадцати лет я стал ездить в Лавру уже самостоятельно. Поселок Удельная находится по Казанской железной дороге, и, чтобы доехать до Лавры, вначале надо было на электричке добраться до Москвы, перейти на другой вокзал и опять же на электричке ехать до Загорска. Долгое время меня одного не отпускали в такую сложную поездку. Но бывало так, что я учился во вторую смену и суббота была учебным днём, поэтому к моему приходу из школы все уже уезжали, а я оставался дома. Я просил маму, чтобы она разрешила мне ездить самому. Мама как-то спросила у отца Тихона, можно ли мне одному ездить в Лавру. Он ей ответил: «Можно, с ним ничего не случится». С того времени я стал ездить сам.

В 1962 году Пасха была поздняя, и Светлая седмица пришлась на майские праздники (1 мая был вторник, а выходными были 1 и 2 мая). Днём 30 апреля мама с братьями уехали в Лавру. Я вернулся из школы, собрался и тоже решил ехать в Загорск. И здесь произошёл курьезный случай. Время было позднее, из Москвы электричка отправилась около 9 часов вечера. Я сел в полупустой вагон и задремал. Поезд уже проехал Пушкино, когда я сквозь сон услышал, как открылась дверь, и в вагон вошёл милиционер. Увидев его, я притворился, будто сплю. Милиционер заметил, что я сижу один, и спросил у пассажиров, которые находились с другой стороны через лавку: «Чей это мальчик?» Они ответили: «Не знаем». Тогда он подходит ко мне и толкает, чтобы разбудить, а я делаю вид, что пробуждаюсь от крепкого сна. Милиционер спрашивает меня: «Куда едете?» Я сразу не сориентировался, что ответить, знал только одно – нельзя говорить, что в Загорск к бабушке, потому что к бабушке – значит в Лавру, а в это время следили, чтобы молодёжь

туда не ездила. Я немного потягиваюсь, смотрю на него и отвечаю: «К теще». Значения этого слова я не знал, слышал только, что существует какой-то родственник, который так называется. Вижу, он улыбнулся и ушёл. В Загорске мы останавливались у знакомых матушек. Когда я пришёл к ним, все удивились, что сам приехал в такое позднее время и спросили, как доехал. Я ответил: «Да так, нормально, милиционер в поезде интересовался, куда еду? Я сказал: еду к теще». Тут все засмеялись. «Что смеетесь?» – спросил я. «Когда вырастешь, узнаешь», – ответили мне, но потом объяснили, кто такая теща. Я после этого сразу выучил всю сложную структуру родственных отношений.

Вообще, почти все самые лучшие мои воспоминания детства связаны с Лаврой Преподобного Сергия. Когда старший брат поступил учиться в семинарию, я навещал его, а иногда жил при семинарии несколько дней. Студенты часто собирались вечером все вместе и о чём-то беседовали, а я со вниманием слушал и думал: какие они умные, образованные, разбираются во всех вопросах! Самому хотелось поскорее стать семинаристом. Несмотря на то, что с детства я посещал богослужения, всё равно хорошо их не знал, и меня это печалило, я думал, как мне всё выучить.

Как-то осенью, мне было тогда лет четырнадцать, я стоял на клиросе в Трапезном храме. В это время из алтаря вышел архимандрит Кирилл (Павлов), а так как на улице было холодно, он остановился возле клироса, чтобы взять поддёвку. Я попросил у него благословение. Благословив, он заговорил со мною, и разговор зашёл о богослужении. Я посетовал, что плохо его знаю и не по чему следить. Он пообещал: «В следующий раз я дам тебе служебник, по нему ты сможешь всё выучить». Я с нетерпением ждал следующего воскресенья, и в субботу поехал в Лавру. После всенощной по обычаю подходил под благословение выходявшей из алтаря братии, подошёл и к отцу Кириллу. Он меня благословил, ничего не сказав. Я подумал, что батюшка забыл о своем обещании. В воскресенье пришел на позднюю Литургию ещё до чтения часов, чтобы встать на клирос. Нам там давали читать записки. Стою, держу записки, в алтарь направляется братия готовиться к службе, и тут идёт отец Кирилл. Я беру у него благословение, он достаёт из кармана служебник и говорит: «Не забыл я. Изучай, пригодится». Для меня это была очень большая радость, ведь я держал в руках книгу, по которой совершается великое Таинство – Литургия. В тот день я ехал

домой окрылённый, ведь у меня в кармане возле сердца была книга моей мечты – служебник. Этот служебник и сейчас хранится у меня дома.

Ещё со школьных лет у меня зародилось глубокое желание стать монахом. Я не думал ни о каких выгодных должностях, а просто хотел быть монахом. Помню, как мы стоим в Лавре на всенощной, монах в мантии канонаршит, и братский хор поёт стихиры. Все это оказывало сильное впечатление на меня, и мне хотелось быть рядом с ними в таких же одеждах и так же красиво петь.

Приезжая в Лавру, я видел лаврскую братию: красивые чёрные монашеские одежды, клобук, строгость, степенность, никто не суетится и не торопится, не бежит куда-то на электричку. Службы по три с половиной – четыре часа (такой продолжительностью они были в Лавре) не вызывали у меня даже в том возрасте усталости или вопроса – почему такая длинная служба. Мы знали, что служба будет долгой, и спокойно стояли на ней. Может, в силу своего возраста мы чего-то и не понимали, но старались вникать во все происходящее и по-своему молиться. Нам нравилась эта стройность монашеского богослужения.

Когда старший брат поступил в семинарию, то я, приезжая в Лавру, обязательно заходил к нему. Он показывал мне классы для занятий и водил в библиотеку, где меня поразило огромное количество книг. Можно сказать, что это было моим первым знакомством с учёным миром.

Но больше всего запомнились Филаретовские вечера. Они приурочивались к памяти святого праведного Филарета Милостивого, небесного покровителя Святителя Филарета Московского, и на какой бы день они не приходились, мы старались приехать в академию. Тогда не было церковных конференций, литературных собраний, духовных концертов, богословы не могли выступать с лекциями для народа. Что-то узнать можно было только на проповеди за богослужением, и власти строго следили, чтобы священник не слишком привлекал народ. Особо влиятельных и красноречивых обычно из города направляли служить в село. Правда, и в село к таким священникам приезжало много людей. Для человека, ищущего Бога и жаждущего услышать слово Божие, расстояние – не преграда.

Филаретовские вечера стали проводиться при патриархе Алексии I, и были единственным мероприятием, которое не носило богослужебного характера и на которое ограниченно пускали народ. Актальный зал на них был переполнен, народ сидел

даже в проходах. Множество людей собиралось и в радиофицированных залах церковно-археологического кабинета, потому что здесь можно было слышать всё, что происходило в актовом зале. В академию на эти вечера приезжало очень много москвичей, ведь для верующих это была единственная возможность послушать лекции и выступления известных богословов.

Вспоминаю случай, когда мы с братом однажды приехали на Филаретовский вечер. Актовый зал, в котором проходило это мероприятие, был небольшого размера, он находился в Царских Чертогах, и в него всегда было трудно попасть. После службы в академическом храме надо было пройти через церковно-археологический кабинет академии, у дверей которого всегда стояли дежурные и никого из посторонних не пропускали. Обычно, чтобы пройти в актовый зал, приходилось просить кого-то из преподавателей или старших студентов провести нас туда.

В тот вечер мы с младшим братом стояли и ждали, когда придёт наш старший брат и договорится, чтобы нас пропустили. Тут сообщили, что идёт отец ректор. В те годы ректором академии и семинарии был протоиерей Константин Ружицкий. Дежурные студенты стали освобождать храм от посторонних и провожать всех от входа в церковно-археологический кабинет. А мы, маленькие, остались возле колонны рядом со входом. И вот видим, как в храм входит спокойной, равномерной походкой отец Константин. Его внушительный вид, седые пышные волосы, окладистая борода, спокойный светлый взгляд, плавность в движениях глубоко запечатлелись в моей памяти. Войдя в храм, отец Константин повернулся к алтарю, благоговейно перекрестился и пошёл по направлению к церковно-археологическому кабинету. Когда он поравнялся с нами, мы подошли под благословение. Он спокойно благословил и спросил: «Вы на лекцию?» Услышав робкий утвердительный ответ, он одобрительно кивнул головой и сказал: «Хорошо».

На Филаретовских вечерах я впервые увидел и услышал выступление – не проповедь, а лекцию – митрополита Антония (Блюма), которая произвела на меня большое впечатление. Человека, проповеди которого до этого мы слышали только по радио (их регулярно передавали по Би-Би-Си), мне довелось увидеть воочию: он стоял недалеко от меня и вёл беседу.

На всю жизнь мне запомнилась одна история, рассказанная тогда митрополитом Антонием в актовом зале академии. После рукоположения во священники он выходил из храма, полный самых возвышенных чувств. В дверях стояла какая-то женщина

и крестилась перед тем, как выйти на улицу. Увидев молодого батюшку, она почтительно посторонилась и уступила ему дорогу. Как вспоминал владыка, видимо, в этот момент на его лице появилось некое подобие удовлетворенности, потому что вечером перед службой эта женщина подошла к нему, взяла благословение, а потом спросила: «Батюшка, вы помните, что я вам утром уступила дорогу? Так вот, я уступила её не вам, а вашему сану. Вы ещё человек молодой, поэтому скажу: если почитают вас люди, то они почитают вас не как человека, а как носителя сана, который вам дал Христос». Этот рассказ владыки Антония показывает, с какой глубиной он воспринимал священничество, что помнил этот небольшой жизненный эпизод и на встрече с молодыми студентами он через него хотел передать его духовный смысл.

Лавра для нас имела ещё одно важное значение – она притягивала верующую молодежь, здесь мы имели возможность общаться. На праздники в Лавре нас, молодых, собиралось человек 15–20, а иногда и больше. Кто-то приезжал из Москвы, кто-то из Подмосковья или других близлежащих областей – Владимирской, Ярославской. В эти годы я познакомился с Василием Агриковым, ныне епископом Дмитровским Александром, Георгием Студеновым, ныне протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в Тропарево (Москва). Нас всех Преподобный сближал, и, общаясь между собой, мы поддерживали друг друга и сами через это возрастали в вере.

Мне было 16 лет, когда скончался отец. В это время два старших брата уже учились в семинарии, и ответственность за решение дел по дому лежала на мне. Тогда в нашем посёлке проводили газ, и мне в связи с этим приходилось заниматься многими вопросами. Когда я стал ходить по кабинетам чиновников и подолгу ожидать получения справок, я понял, что временем надо дорожить не только своим, но и чужим. В этом возрасте все всегда торопятся, и когда сидишь и ждёшь какую-то бумажку, то невольно думаешь: почему не сделать так, чтобы люди пришли в назначенное время, быстро решили необходимые вопросы и сэкономили свое время. Неоднократно тогда мне приходила мысль: время дорого каждому, и мы должны научиться его беречь.

Господь так устроил мир, что человек не властен над временем, а находится в его власти, и должен научиться правильно это время использовать. Часто нам не хватает его на самое главное. Жизнь на земле человеку дана одна, и она должна быть потрачена не на ожидание, а на созидание, на научение добру.